

Куда
Она ушла

Гейл Форман

Куда
она ушла

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф79

Gayle Forman
WHERE SHE WENT

Copyright © 2011 by Gayle Forman

Перевод с английского *Ю. Федоровой*

Фото автора © Dennis Kleiman

Художественное оформление серии *С. Власова*

Форман, Гейл.

Ф79 Куда она ушла : [роман] / Гейл Форман ; [пер. с англ. Ю. Л. Федоровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Остаться, чтобы любить).

ISBN 978-5-699-92948-1

Страшная катастрофа отняла у Мии всех близких людей и ее саму поставила перед выбором — остаться или уйти.

Она выбрала первое — осталась, потому что в забытии слышала голос Адама, который просил ее не умирать.

Но как жить, если тех, кто был тебе дорог, уже нет рядом? Как жить, если каждый день надо преодолевать боль?

Миа отдаляется от Адама — ей кажется, что проще было бы уйти вслед за родными.

Однажды Адам смог совершить чудо, вернув любимую к жизни.

В силах ли он совершить чудо второй раз и вернуть ее любовь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ю. Федорова, перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92948-1

*Моим родителям с благодарностью
за то, что говорили: «Ты сможешь».*

Возможно, я когда-нибудь не вынесу страданий,
И не смогу платить по прошлому долгам,
И я тогда любовь твою продам,
И откажусь от всех воспоминаний,
Чтоб обрести в душе своей покой.
Но все же нет. Я не такой.

*Из сонета XXX
Эдны Сент-Винсент Миллей
«Любовь не все: не пища,
не питье».*

1

Проснувшись утром, я говорю себе: «Всего один день, двадцать четыре часа, потерпи». И так каждое утро. Я не помню, ни когда именно начал подстегивать себя подобным образом, ни почему. Это похоже на мантру программы «12 шагов анонимных-кого-нибудь-там», хотя я не из них. Хотя, если почитать тот бред, что обо мне пишут, можно предположить и такое. Многие готовы продать почку, чтобы хоть ненадолго попасть на мое место. Но мне, тем не менее, приходится напоминать себе о том, что этот день не будет длиться вечно, что я пережил вчерашний, значит, протяну и этот.

После этого ежедневного ритуала я смотрю на минималистические электронные часы на тумбочке. 11:47 — в моем понимании жуткая рань. Но меня уже дважды пытались разбудить звонком со стойки регистрации, а кроме того, звонил и Алдус, наш менеджер, вежливый, но неуклонный. Даже если сегодняшний день один из многих, расписание все равно забито под завязку.

Гейл Форман

Мне надо в студию, наложить несколько последних гитарных треков на оригинальную версию первого сингла нашего только что вышедшего альбома, предназначенную строго для Интернета. Это фокус такой. Та же самая песня, но добавляем новую гитару, голосовые спецэффекты, и получаем несколько лишних баксов. «В наше время надо высасывать каждый доллар из всего, чего только можно», — любит напоминать нам звукозаписывающая компания.

Затем у меня интервью с репортером из «Шаффла». Собственно, эти два события являют основу моей теперешней жизни: писать музыку (это я люблю) и разглагольствовать о том, как я это делаю (а вот это я уже ненавижу). Но это две стороны одной медали. После второго звонка Алдуса я, наконец, скидываю одеяло и беру с тумбочки пузырек. Мне прописали какое-то лекарство от тревожности, когда я становлюсь нервным.

Хотя я все время нервный. К этому я уже привык. Но после того как началось это турне с тремя концертами в Мэдисон-сквер-гарден, все стало хуже. Как будто меня засасывает нечто мощное и болезненное. Водоворотобразное.

«Такое слово вообще есть?» — спрашиваю я сам себя.

«Да какая, к черту, разница, ты же все равно сам с собой разговариваешь», — отвечаю себе я,

Куда она ушла

глотаю пару таблеток. Надеваю трусы и иду к двери, за которой меня уже ждет полный кофейник. Там его оставили, следуя моим строгим инструкциям не попадаться мне на глаза.

Допив кофе, я одеваюсь, спускаюсь по служебному лифту, выхожу через боковую дверь — менеджер, который занимается обслуживанием клиентов, по доброте душевной предоставил мне ключ, чтобы я мог избежать сцен в фойе. На улице первым меня приветствует порыв туманного нью-йоркского воздуха. Вообще, этот климат на меня давит, но мне нравится, что воздух влажный. Это напоминает мне Орегон с его бесконечным дождем, который не прекращается даже в самые жаркие дни лета, и белыми кучевыми облаками, которые цветками распускаются высоко в небе. Их тени постоянно напоминают тебе, что летняя жара — это ненадолго и что скоро в любом случае будет дождь.

Сейчас я живу в Лос-Анджелесе, где вообще практически не бывает дождя. И не прекращается жара. Но там сухо. И этой засухой люди оправдывают и пекло, и смог. «Ну и что, что сегодня сорок два градуса? Зато хоть не влажно!» — бахвалятся они.

А в Нью-Йорке и жарко, и влажно; и когда я добираюсь до студии, пройдя через десять перекрестков пустынных пятидесятих улиц на западе города, волосы под бейсболкой у меня уже все

Гейл Форман

мокрые. Я достаю из кармана пачку сигарет и, вытащив одну, прикуриваю ее дрожащей рукой. Около года назад у меня появился легкий тремор. Проверив все мои анализы, врачи сказали, что со мной все в порядке — это просто нервы, и посоветовали заняться йогой.

Алдус ждет меня под навесом. Он смотрит на меня, на сигарету, потом снова мне в лицо. И по такому осмотру я понимаю, что он пытается решить, какую роль выбрать — плохого или хорошего полицейского. Наверное, я выгляжу совсем хреново, раз он склоняется к доброму.

— Доброе утро, солнышко, — радостно говорит Алдус.

— Да? И чего же в утре может быть доброго? — я стараюсь выдать это за шутку.

— На самом деле время уже послеобеденное. Мы опаздываем.

Я тушу сигарету. Алдус кладет мне на плечо свою громадную лапу, но касание какое-то неадекватно мягкое.

— Надо всего один трек на «Сахар» наложить, добавить чуток вот этого самого, ради чего поклонники будут готовы заплатить за него еще раз, — качая головой, наш менеджер сам смеется над тем, во что превратился музыкальный бизнес. — Потом обедаешь с репортером «Шаффла», а около пяти — фотосъемка для проекта «Фешн Рокс», который замутили «Таймс» вместе со всей группой. Потом выпьешь по паре коктейлей с де-

Куда она ушла

нежными мешками на лейбле, после чего я еду в аэропорт. Завтра у тебя коротенькая встреча с публикой и раздача автографов. Побольше улыбайся, поменьше говори. А потом остаешься в одиночестве до Лондона.

«В одиночестве? А сейчас я типа в теплом семейном кругу?» — спрашиваю я. Но про себя. В последнее время мне вообще кажется, что я почти только сам с собой и разговариваю. Но с учетом того, что именно приходит мне в голову, наверное, это и хорошо.

Хотя в этот раз я действительно останусь один. Алдус и остальные ребята из группы летят в Англию. Я собирался с ними, пока не понял, что сегодня пятница, тринадцатое, так что я сказал — нет, на фиг! В меня это турне и так ужас вселяет, так что идея вылетать в общепризнанный неудачный день меня слишком нервирует. Поэтому я попросил Алдуса купить мне билет на следующий день. В Лондоне мы сначала снимем клип, затем пообщаемся с прессой и только потом поедем выступать по Европе, так что я концерт не пропущу — только предварительную беседу с режиссером клипа. Я все равно не хочу знать, как он «видит». Начнется съемка, и я буду делать все то, что он мне скажет.

Вслед за Алдусом я вхожу в студию и занимаю звукоизолированную кабину, в которой остаюсь наедине с несколькими гитарами. По ту сторону

Гейл Форман

стекла сидят Стим, наш продюсер, и несколько звукотехников. Алдус идет к ним.

— Так, Адам, — начинает Стим, — нам нужен еще один трек для вставки и припев. Чтобы цепляло чуточку больше. А потом смикшируем с голосом.

— Чтоб цепляло. Покрепче. Понял, — я надеваю наушники, начинаю наигрывать мелодию, разогреваюсь. Стараюсь не замечать, что вопреки обещанию Алдуса я *уже* одинок. Один в звукоизолированной кабине. «Хватит, не выдумывай, — говорю я себе. — В хороших студиях все так записываются». Проблема только в том, что несколько дней назад я точно так же чувствовал себя и в Мэдисон-сквер-гарден. На сцене, перед которой собралось восемнадцать тысяч поклонников, рядом с людьми, которых я некогда считал семьей, мне было так же одиноко, как и в этой кабинке.

Но могло быть и хуже. Я играю, пальцы порхают, я встаю и принимаюсь лупить по струнам, пока гитара не начинает кричать и повизгивать так, как мне хотелось. Ну, почти как хотелось. Собранные здесь инструменты стоят, наверное, сотню тысяч, но ни одна гитара не звучит так же хорошо, как мой старенький «Лес Пол Младший»¹,

---

¹ Лестер Уильям Полсфусс (1915–2009) — американский гитарист-виртуоз, один из изобретателей электрогитары Gibson Les Paul, которая стала символом рок-музыки.

Куда она ушла

на котором я играл тысячу лет, без которого не записался бы наш первый альбом и который я в припадке идиотизма или спеси или чего там еще продал с аукциона в благотворительных целях. А все эти блестящие дорогие гитары, которыми я пытался его заменить, и в руках не так лежали, и звучали не совсем. Но все же, когда звук достигает полной мощи, мне удастся забыть на секунду-другую.

Но заканчивается это забытьё слишком скоро, и вот уже Стим и звукотехники жмут мне руку, желают удачи на концертах, а Алдус выводит меня на улицу, сажает в «таун-кар» и мы мчим на Девятую авеню в Сохо, в отель, ресторан которого ребята из компании звукозаписи сочли подходящим местом для моего интервью. Интересно, они думают, что я меньше буду склонен к пафосным речам или не сболтну какой-нибудь гадости, если посадить меня в дорогом общественном месте? Помню, как еще в самом начале, когда эти интервью брали наши поклонники и блогеры, которых в первую очередь интересовал рок — то есть музыка, — они приглашали нас всех. И, как правило, интервью превращалось в обычный разговор, когда все высказывали свое мнение, стараясь друг друга перекричать. И я тогда не думал о том, что надо подбирать слова. Теперь же репортеры допрашивают меня и остальных по отдельности, как копы рассажива-

Гейл Форман

ют сообщников по разным камерам и пытаются заставить их сдать друг друга.

Мне перед встречей хочется покурить, и мы с Алдусом стоим под слепящим полуденным солнцем, а вокруг собирается толпа людей, которые стараются пялиться на меня как можно незаметней. Этим Нью-Йорк отличается от всего остального мира. Везде охотятся за знаменитостями, но ньюйоркцы (ну, по крайней мере те, кто считает себя искушенным в этом вопросе и специально бродит туда-сюда по районам вроде этого), они делают вид, будто им на тебя плевать, даже когда они пялятся на тебя, прикрыв глаза солнцезащитными очками за три сотни баксов. А в адрес приезжих, нарушающих это правило, как, например, пара девчонок в футболках с символикой Мичиганского университета, которые только что подбежали ко мне с просьбой дать автограф, они демонстрируют презрение. Увидев такое поведение, собравшиеся вокруг снобы закатили глаза и посмотрели на меня с сочувствием. Можно подумать, это девчонки мне досаждают.

— Тебе нужна маскировка получше, дикарь, — говорит Алдус после того, как фанатки, возбужденно хихикая, убегают. Я уже никому кроме него так меня называть не позволяю. Раньше этой кличкой, производной от моей фамилии, пользовались все. Но однажды я разгромил но-

Куда она ушла

мер в отеле, после чего это прозвище перекочевало в дешевую прессу и прочно там обосновалось.

Тут, словно по наводке, появляется какой-то фотограф. У дорогого отеля без этого дольше трех минут не прстоишь. «Адам! А Брен тут?» Наша фотка с Брен стоит раза в четыре дороже, чем я один. Но после первой же вспышки Алдус одной рукой загораживает объектив, а второй — мое лицо.

Потом он подталкивает меня ко входу и начинает готовить к беседе.

— Репортера зовут Ванесса Легран. Она не из тех старперов, которых ты ненавидишь. Молоденькая. Ну, не младше тебя, но, думаю, чуть старше двадцати. Раньше она вела блог, а потом ее купил «Шаффл».

— Какой блог? — перебиваю я. Алдус обычно не выдает мне подробностей о журналистах, если на то нет особой причины.

— Точно не знаю. Может, «Гэббер».

— Ал, так это же дерьмовый сайт, который только сплетни собирает.

— «Шаффл» не такой. Это эксклюзивная статья для обложки.

— Ладно. Неважно, — говорю я, толкая дверь. В ресторане расставлены низкие столики из стекла и металла и кожаные банкетки — я такое видел тысячу раз. Эти заведения так высоко себя